

ТРАДИЦИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ Н. НАРОКОВА «МОГУ!»

© 2007 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

suhih_sios@mail.ru

Поступила в редакцию 12.11.2007

Рассматривается рецепция идей и мотивов произведений Ф.М. Достоевского в одном из романов Николая Нарокова – представителя литературы русского зарубежья. В его творчестве обнаруживается своеобразная интерпретация художественного опыта Ф.М. Достоевского на уровне глубоких философских обобщений.

Творчество Ф.М. Достоевского не случайно остаётся в течение многих лет неизменным объектом внимания не только критиков и литературоведов, но и художников слова. В произведениях этого писателя обнаруживается концентрация сложнейших и интереснейших идей, которые обладают мощной «магнетической силой». Различные аспекты этого философско-этического комплекса разрабатываются русскими и зарубежными писателями вслед за Достоевским: переосмысливаются в зависимости от эпохи, дополняются, трансформируются, оспариваются или подтверждаются и развиваются на новом материале. Одним из таких авторов, в «поле зрения» которых всегда находилось творчество Достоевского, является в литературе XX века Николай Нароков, представитель II (послевоенной) волны русской эмиграции. В книге Л. Сараскиной «Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына)» [1] уделено достаточно большое внимание отношению эмиграции к Достоевскому, но в ней речь идет только о писателях первой волны эмиграции, хотя мотивы и идеи Достоевского развивают и представители второй волны, такие, как Н. Нароков или И. Гузенко.

Н. Нарокову принадлежат три значительных романа: «Мнимые величины», «Могу!» и «Никуда». Его первый роман «Мнимые величины», опубликованный в нашей стране в конце 80-х годов XX в., несет на себе отчетливый отпечаток «ученичества» у Достоевского, хотя уже в этом произведении чувствуется оригинальный талант автора и его способность сказать своё слово читателю. Роман Н. Нарокова «Могу!» отличается от «Мнимых величин» тем, что в нём традиции Достоевского разработаны более творчески и глубоко, они уже прочитываются не так явно, не лежат на поверхности, а воплощаются в содержании произведения на глубинном, философско-психологическом уровне.

Можно выделить несколько значительных мотивов творчества Ф.М. Достоевского, которые нашли своё отражение в этом романе.

I. Мотив одержимости человека идеями

Произведения Достоевского не случайно называют «идеологическими романами»: в центре их системы образов обычно находится «человек-идея»: «Принципом чисто художественной ориентировки героя в окружающем является та или иная форма его идеологического отношения к миру» [2, с. 90]. Именно таким героем является в нароковском романе «Могу!» Фёдор Петрович Ив. Его идея, его цель и жизненное кредо выражены в названии романа – «Могу!». Этот герой стремится к абсолютной власти, к тому, чтобы доказать самому себе и кому угодно, что он может всё, что границ для его воли и свободы действий не существует. Эта идея Ива символически воплощается в маленьком эпизоде из его детства. Будучи еще подростком, он однажды взял в руки воробья и сжал его настолько, что полностью подавил его сопротивление, а потом отпустил. Это был момент его полной власти над другим существом, с которым он мог сделать что угодно. На вопрос приятеля, зачем он это сделал, Ив ответил: «Могу!». В дальнейшем он много раз проверял свою власть над окружающими: смог «завалить» на выборах перспективного политика и провести вместо него аутсайдера, смог устроить так, чтобы преступник избежал суда и все забыли о его преступлении и т.д. Многие говорили, что его жизненный путь слишком извилист: коммунист – гестаповец – удачливый и богатый бизнесмен. Но, с точки зрения самого Ива, это вполне прямой путь: «Мой путь ничуть не ломаная линия, а прямая: она во всех частях ведёт к власти» [3, с. 151]. О том же самом говорит и Табурин – герой-философ, в романе некий резонер: «Один

с инструкциями Сталина, другой – с миллионами в кармане, а порода одна и та же» [3, с. 103–104]. Ив называет эту породу людей «человек-могу».

Итак, идея Ива, лежащая в основе его целеполагания, – это «власть ради власти» [3, с. 151], не просто над кем-то конкретным, а ощущение безграничной власти над всеми и каждым. В детстве, после случая с воробьем, Ив ответил на вопрос о том, зачем он так поступил: «Могу!». Его приятель, не поняв смысла сказанного, переспросил: «Что могу?» – и Ив объяснил: «Не “что”, а вообще... Могу!» [3, с. 59].

Эта идея коррелирует с философско-этическими комплексами нескольких героев Достоевского.

1. Ив и герои «Преступления и наказания»

Стремление Ива почувствовать, что для него не существует никаких границ, рамок, правил, роднит его с Раскольниковым, который тоже стремится доказать, причем прежде всего самому себе, что может «преступить», нарушить любой закон: и моральный, и юридический. Символом такого «преступания» всех границ для него становится Наполеон, хотя раскольниковская идея отличается от наполеоновской: «С Наполеоном связано представление о наиболее резком и бестрепетном преступании всех норм. <...> Словом, для Раскольникова Наполеон – это только символ крайне дерзостного преступления всех границ» [4, с. 226]. Скорее, к наполеоновской идее мирового господства и управления людьми и нациями более близок Ив, который как раз хочет подчинить себе чужую волю и сделать так, чтобы человек по собственному желанию сделал то, чего хочет он (Ив). Раскольников тоже стремится доказать свою способность преступить любую границу, но для него это лишь первый шаг к благу человечества – к переустройству общества, чтобы больше не страдали «маленькие люди».

Двойник Раскольникова Свидригайлов тоже преступает все границы и этим напоминает Ива. Возможно, даже в большей степени, так как за его «могу» тоже не стоит нравственная цель, в отличие от цели Раскольникова. Интересно и то, что при создании образа Ива Нароков использует характерный для произведений Достоевского приём намёка. У Достоевского, к примеру, упоминается, что ходят слухи о Свидригайлове, будто тот совершил насилие, убил жену, но эти слухи не подтверждаются и не отрицаются. Нароков тоже упоминает о массе слухов, сопровождающих Ива: «Некоторые любо-

пытные доходили даже до того, что считали его лицом, приближенным к Ягоде, тайно работавшим в НКВД и исполнявшим там особые задания. Эти фантазёры утверждали, будто именно он сыграл видную роль в той группе, которая вела следствие по делу убийства Кирова» [3, с. 28]. В обоих случаях писатели преследуют цель не доказать какими-то фактами правильность подобных утверждений, а заронить в сознание читателя мысль о том, что такое **могло быть**.

Идея вседозволенности и «преступания» всех границ роднит образ Ива и с образом Ивана Карамазова, который совершает нравственное преступление, доказывая самому себе, что в этом мире «всё позволено».

2. Ив и великий инквизитор

Стремясь утвердить своё «Могу!», Ив умело манипулирует сознанием других. Он хочет, чтобы человек не просто подчинился насилию с его стороны, но сам захотел выполнить его волю. Лучше даже, чтобы этот человек вообще не осознавал, что над его волей и сознанием осуществляется насилие. Например, в случае с Юлией Потоковой Ив ставит перед собой цель, чтобы она именно «сама к нему пришла». Этот аспект идеи наркововского героя сближает его образ с образом великого инквизитора. У Достоевского великий инквизитор убежден в том, что ради счастья миллионов обычных людей необходимо отнять у них данную им Христом свободу выбора, но сделать это так, чтобы они об этом не подозревали и не осознавали, что фактически живут в рабстве: «... ныне эти люди уверены более, чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и положили её к ногам нашим» [5, с. 315]. Однако великий инквизитор субъективно действует, как ему кажется, в интересах ближних, искренне стремится осчастливить миллионы, «многочисленные, как песок морской»: избавить их от груза свободы выбора и ответственности, который всегда сопровождается нравственными страданиями. В отличие от него, Ив действует лишь в собственных интересах: Юлия нужна ему только для того, чтобы еще раз проверить и осуществить свое «могу»:

– И эта женщина нужна вам только для «могу?» – спрашивает Федора Петровича его помощница Софья Андреевна.

– Только для «могу». Она, безусловно, порядочна, она любит своего мужа, её все уважают, её нельзя купить. А могу ли я сделать так, чтобы она сама пришла ко мне? Да, могу [3, с. 55].

3. Ив и герои «Бесов»

То самоощущение, которое так ценит Ив, то осознание всемогущества и вседозволенности, которое опьяняет его, связано с чувством безграничной свободы. Этим Ив напоминает еще одного героя Достоевского – Кириллова. Его идея самоубийства осознается им как путь к абсолютной свободе, в его представлении человек, победивший страх настолько, что не испугается убить себя без каких бы то ни было внешних побудительных причин, встанет, по его мнению, на место Бога: «Всякий, кто хочет главной свободы, должен смечь убить себя. <...> Кто смеет убить себя, тот бог». Однако свобода Кириллова направлена на **само**разрушение, тогда как свобода Ива – на разрушение **чужих** жизней и судеб. Чтобы в очередной раз испытать свое «могу», он стремится сломать отношения Юлии Сергеевны с близкими ей людьми. В этом отношении образ Ива соотносится с образом другого героя «Бесов» – Петруши Верховенского. Не обладая ни талантом, ни обаянием, ни какими-либо другими привлекательными качествами, он стремится компенсировать свою посредственность за счет власти над окружающими, за счет манипуляций ими. Даже убийство Шатова необходимо ему лишь для того, чтобы «связать кровью» своих сподвижников и лишить их собственной воли, получить над ними полную власть. Не случайно его так привлекает идея теоретика Шигалева, согласно которой одна десятая всех людей будет безгранично управлять остальными девятью десятками. В романе Нарокова Ив тоже стремится с помощью власти преодолеть некий комплекс неполноценности. Он сам признаёт это в разговоре со своим «доверенным лицом» Софьей Андреевной. Федор Петрович рассказывает, как однажды «раздавленный» им бывший товарищ сказал ему, что всё его стремление к власти – это желание не подняться выше остальных, а компенсировать свою посредственность, принизив других.

Итак, в образе Ива Нароков сконцентрировал отдельные аспекты идей различных героев Достоевского. Раскольников, Свидригайлов, Иван Карамазов, Кириллов, Петр Верховенский, и, наконец, великий инквизитор – каждый из них имел бы право коротко и экспрессивно сформулировать свое жизненное кредо тем же словом «могу», но каждый вложил бы в него свой собственный оттенок смысла.

II. Мотив краха идеи при столкновении с «натурой» человека

Философской основой сюжетов большинства романов Достоевского является испытание

идеи реальностью, финалом которого становится крах любого рационального построения при столкновении с живой жизнью, с психологией человека, которая во многом иррациональна. Раскольников логически способен доказать, что ради «нового слова» человечеству, ради будущего блага ближних можно пролить кровь и это будет «по совести». Но на практике он не выдерживает моральной тяжести этой идеи. Иван Карамазов убежден, что человеку может быть «все позволено», вплоть до отцеубийства, но его психика не выносит такого нравственного груза, как чувство ответственности за смерть отца, к убийству которого своими философствованиями он подтолкнул Смердякова. Даже великий инквизитор, неумолимо логически обосновавший необходимость казни не только «еретиков», но и своего Пленника – самого Христа, в конце концов поддается непосредственному чувству и отпускает Его.

В произведениях Н. Нарокова реализуется почти аналогичный мотив. В романе «Мнимые величины» Любкин, главный герой, всевластный в своей области чекист, стремится по собственной воле и по собственному разумению осчастливить Евлалию, сняв с неё тяжелый психологический груз, связанный с её взаимоотношениями с отцом. Однако идея «насильственного счастья» не выдерживает столкновения с действительностью: арест отца Евлалии, измучившего её, становится для неё не облегчением, а еще более тяжким грузом. Её чувство неразрывной духовной связи с отцом и долга перед ним оказывается сильнее всех рациональных построений Любкина: «Нельзя математически выверить чувства человека и подчинить их логике» [7, с. 38].

Столкновение логических умозаключений и человеческой психологии играет решающую роль и в романе «Могу!» Федор Петрович Ив, много раз проверивший и доказавший свое всемогущество, ставит перед собой очередную цель: Юлия Потокова должна «прийти к нему». Препятствия на пути к этой цели весьма серьезные: во-первых, Юлия испытывает к нему антипатию; во-вторых, у неё есть муж, к которому она хотя и не ощущает страсти, влечения, но питает глубокую привязанность; в-третьих, существует и еще один человек, с которым у неё хотя и нет близких отношений, но уже зародилась нежная любовь. Ради преодоления этих препятствий задумана хитроумная и жестокая интрига: муж Юлии убит, все улики указывают на её любимого человека – Виктора, а саму Юлию ждет обвинение в соучастии в убийстве. В этой ситуации Федор Петрович Ив предлагает

ей единственный возможный способ не попасть в тюрьму – уехать вместе с ним в другую страну, где он ведет бизнес. Юлия Сергеевна поставлена в такие условия, из которых по рациональной логике есть только этот выход, и он делает ей «предложение, от которого нельзя отказаться». Ив уверен, что эта порядочная и не любящая его женщина теперь непременно сделает «единственно правильный» выбор и будет принадлежать ему. И это будет её собственное решение, её желание. Но математически выверенная логика не учитывает одного – человеческих чувств, любви. Юлия не может уехать с Ивом, потому что это значило бы предать Виктора, который бесконечно дорог ей: «Она не знала, хватит ли у неё сил пережить тюрьму, но знала, что пойти на измену у неё сил нет» [3, с. 319]. По словам философа Табурина, в человеке «есть целый мир, который сильнее разума» [3, с. 318]. И он как раз имеет решающее значение. Ив не верит в существование такой нравственной преграды, такой границы, которую невозможно переступить, но психологическая реальность человеческого характера доказывает, что эта граница есть: глубоко порядочный человек не может совершить предательство. Именно это пытается втолковать Федору Петровичу его помощница Софья Андреевна: «Поверьте в любого человека, у которого в душе вместо вашего «могу» крепко сидит «не могу»! Разве вы не видите, что «не могу» сильнее, чем ваше «могу»!..» [3, с. 322]. «Безликое зло обретает господство лишь на время, так как у него нет “настоящего” основания: “оно” “давит”, калечит, разбивает судьбы, губит, но у него нет “силы” победить людей с живыми душами» [8, с. 292].

Вслед за Достоевским Нароков утверждает иррациональную силу «натуры» человека, побеждающую рациональную идею. Однако говорить о полной аналогии мотивов произведений этих писателей было бы натяжкой. Их отличает друг от друга существенный момент: в каждом герое Достоевского (Раскольникове, Иване Карамазове, великом инквизиторе) его идея вступает в противоречие с его же натурой, а у Нарокова мы видим несколько иную ситуацию. Здесь идея героя сталкивается с «натурой» другого: убеждения Любкина разбиваются о чувства Евлалии, «могу» Ива побеждено нравственной природой Юлии Сергеевны. В определенной мере вариант, исследуемый Достоевским, интереснее и глубже: он привлекает внимание читателя к феномену сложности психологии отдельного человека, тем более человека-идеолога, живущего по преимуществу разумом. Но и вариант Нарокова, безусловно, заслужива-

ет внимания, тем более что он представляет собой определенное развитие излюбленных мотивов Достоевского.

III. Мотив «утешительной лжи»

Это один из основных мотивов «Легенды о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского. Её герой полагает, что христианские принципы и духовная свобода могут принести счастье лишь очень сильным людям. Что же касается слабых, коих большинство, то им нужны хлеб, вера, основанная на чуде и тайне, и возможность объединиться под властью сильного во «всеобщий и согласный муравейник». Поэтому ради счастья большинства людей он отвергает христианство и отнимает у людей свободу. Однако при этом жители его государства абсолютно уверены и в том, что их общество является христианским, и в том, что они совершенно свободны. Это один из тех факторов, которые обеспечивают им спокойствие и счастье. Манипуляция сознанием людей, обман ради их же блага (как он его понимает) – это один из главных принципов великого инквизитора. По словам Ивана Карамазова, герой его поэмы вынужден, управляя людьми, «обманывать их всю дорогу, <...> чтобы хоть в пути-то жалкие эти слепцы считали себя счастливыми» [5, с. 329].

Мотив «утешительной лжи» получает дальнейшее развитие в романе Н. Нарокова «Могу!» Здесь мысль о необходимости в некоторых ситуациях прибегнуть ко лжи принадлежит Табурина, герою-философу. Он обращает внимание своих собеседников на неожиданный с первого взгляда факт: среди десяти божьих заповедей, лежащих в основе христианской морали, нет заповеди «не лги». Действительно, в Библии существует заповедь «не лжесвидетельствуй», но это ведь не то же самое, что «не лги». Нароковский герой Табурин объясняет это тем, что иногда именно христианские чувства диктуют человеку необходимость солгать своему ближнему: «А я вам вот как скажу: тот, кто своей правдой приносит страдание и губит человека, тот – преступник. А кто ложью залечивает кровоточащие раны и спасает, тот – праведник» [3, с. 165]. Очевидно, что такая аргументация прямо соотносится не столько с «Легендой...» Достоевского, сколько с убеждениями горьковского Луки из пьесы «На дне», но взгляды этого героя родственны философии великого инквизитора [10, с. 59–65]. Ведь великий инквизитор убежден, например, в том, что вечной жизни нет, нет никакого бессмертия, но обычных людей привлекает, утешает и «манит наградой небес-

ною и вечною», чтобы дать им надежду и душевные силы.

Вариантом «утешительной лжи» является умолчание, сокрытие правды из гуманистических соображений. По словам нароковского философа и «еретика» Табурина, «иной раз открывать правду не правдиво и не честно, а наоборот: зло и подло» [3, с. 165]. В подтверждение его мыслей Юлия Сергеевна вспоминает историю женщины, от которой много лет скрывали факт гибели её сына: женщина надеялась, что он жив, счастлив, что у неё в далекой стране уже есть внуки, и это делало её собственную жизнь легче и светлее. Для этой матери смерти сына не было, потому что она о ней не знала: «Ведь для нас существует только то, что мы знаем, а то, чего мы не знаем, для нас не существует» [3, с. 169]. Точно так же из гуманистических побуждений Юлия не рассказывает мужу о своих чувствах, и тот до конца так и не узнаёт, что его жена любит другого человека, и ему не приходится переживать эту горькую для него правду. «Во что веришь, то и есть» – этот знаменитый афоризм горьковского Луки мог произнести не только этот герой пьесы «На дне», но и нароковские герои Табурина и Юлия Сергеевна. А предшественником всех этих троих и бесчисленного количества других реальных и литературных апологетов «утешительной лжи» можно считать великого инквизитора из «Легенды...» Достоевского, который возвел этот принцип в ранг государственной политики. А Нароков даже увидел его хотя и не прямые, а косвенные истоки в самой Библии, и это весьма любопытный и совершенно новый в литературе вариант интерпретации мотивов «Легенды...» Достоевского.

Н. Нароков – это писатель, в творчестве которого были сконцентрированы и отчасти переосмыслены многие традиции русской литературы. Например, Владимир Турбин, который и

открыл этого писателя для русской читающей публики, писал о творческой полемике Нарокова с Владимиром Набоковым: «...он полемически ориентируется на Набокова» [9, с. 10]. Однако традицию Достоевского все же можно считать одной из самых значительных в его творчестве: она вполне органично и оригинально воплотилась в философской проблематике, в характерологии и в сюжетике произведений Н. Нарокова, в частности романа «Могу!»

Список литературы

1. Сараскина Л. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М.: Русский путь, 2006. 608 с.
2. Энгельгардт Б.М. Идеологический роман Достоевского // Достоевский. Статьи и материалы. Сб. II / под ред. А.С. Долинина. М.-Л.: Мысль, 1924. 300 с.
3. Нароков Н. Могу! М.: Изд. «Дружба народов», 1991. 368 с.
4. Кожин В. Победы и беды России. М: Эксмо-пресс, 2002. 512 с.
5. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 10 тт. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. Т. 9. 636 с.
6. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 10 тт. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. Т. 7. 760 с.
7. Сухих О.С. Философские мотивы произведений Ф.М. Достоевского в романе Н. Нарокова «Мнимые величины» // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. Серия Филология. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2004. Вып 1(5). С. 36–44.
8. Буслакова Т.П. Литература русского зарубежья. Курс лекций. М.: Высшая школа, 2003. 368 с.
9. Турбин В. Предисловие. // Нароков Н. Мнимые величины // Дружба народов. 1990. № 2. С. 9–187.
10. Сухих О.С. Горький и Достоевский: продолжение «Легенды...». Н. Новгород: КИТиздат, 1999. 142 с.

TRADITIONS OF DOSTOEVSKY IN THE NOVEL BY N. NAROKOV «I CAN!»

O.S. Sukhikh

The reception of the ideas and motives of F.M. Dostoevsky's works in one of the novels by N. Narokov, a Russian emigre writer, are discussed. His creative work reveals original interpretation of F.M. Dostoevsky's artistic experience at the level of deep philosophical general conclusions.